

Репин Илья Ефимович

**Воспоминания, статьи и
письма из заграницы И.Е.
Репина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И49

И49 **Илья Ефимович Р.**
Воспоминания, статьи и письма из заграницы И.Е. Репина / Репин Илья
Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 271 с.

ISBN 978-5-519-80604-6

ISBN 978-5-519-80604-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

а такая трепаная жидкая бородка бываетъ только у студентовъ и учителей.

— Это кто? — шепчу я товарищу.

— Крамской! развѣ не знаете?—удивляется онъ.

Такъ вотъ онъ какой!.. Сейчасъ посмотрѣлъ и на меня; кажется, замѣтилъ. Какіе глаза! Не спрячешься, даромъ-что маленькіе и сидятъ глубоко во впалыхъ орбитахъ; сѣрые, свѣтятся. Вотъ онъ оставился передъ работой одного ученика. Какое серьезное лицо! Но голосъ пріятный, задушевный; говоритъ съ волненіемъ... Ну, и слушаютъ же его! Даже работу побросали, стоятъ около, разинувъ рты; видно, что стараются запомнить каждое слово. Какія смѣшныя и глупыя лица есть, особенно по сравненію съ нимъ... Однако, какъ онъ долго остается все еще у одного! Самъ не поправляетъ, а все только объясняетъ. Этакъ онъ всѣхъ не обойдетъ, пожалуй. А вотъ, наконецъ перешелъ къ другому, и всѣ за нимъ. Мнѣ не нравится эта привычка учениковъ глазѣть на чужія работы и слушать, что кому говоритъ учитель; да и времени мало для работы въ классѣ, вѣдь классъ-то одинъ разъ въ недѣлю.

Я думалъ: напомнить-ли ему, когда онъ дойдетъ до меня, объ его острогорскихъ знакомыхъ, и не рѣшался; я сталъ сильно волноваться, по мѣрѣ приближенія его ко мнѣ, но работать продолжалъ. До меня ясно уже долетали отдѣльные слова и выраженія его, и мнѣ все болѣе и болѣе нравился тѣмбръ его голоса и какая-то особенная манера говорить, какъ-то торжественно, для всѣхъ. Вотъ такъ учитель! Это не чета Церму да Жуковскому (преподаватели въ классѣ масокъ и орнаментовъ). Его приговоры и похвалы

были очень вѣски и производили неотразимое дѣйствіе на учениковъ. Что-то онъ мнѣ скажетъ?!. А сегодня у меня идетъ какъ-то пестро и грубо. Но его прервали. Вошелъ въ классъ какой-то пожилой господинъ въ очкахъ, непріятной наружности. Должно быть важное лицо. Даже Крамской какъ-то вдругъ измѣнился, кланяется ему и выслушиваетъ съ притворною внимательностью какъ какой нибудь чиновникъ. Я отвернулся, мнѣ не понравилась эта сцена. Наконецъ, это важное лицо, растягивая что-то въ носъ, повернулось къ дверямъ изъ класса. Крамской и другіе учителя, присоединившіеся незамѣтно, отскакивая и давая почтительно дорогу лицу, вышли за нимъ... Скоро Крамской вернулся къ ученикамъ и сталъ продолжать.

Вотъ онъ и за моей спиной; я остановился отъ волненія...

— А, какъ хорошо! Прекрасно! Вы въ первый разъ здѣсь?

У меня какъ-то оборвался голосъ и я почувствовалъ, что не могу отвѣчать.

Онъ перешелъ къ подробностямъ моего рисунка, очень вѣрно замѣтилъ ошибки, и мнѣ показалось, что онъ меня какъ-то отличилъ. Это меня ободрило; мало по малу, я, подъ конецъ, осмѣлился сказать ему, что я зналъ его острогорскихъ знакомыхъ.

— Не Турбиныхъ-ли?

— Нѣтъ.—Я назвалъ своихъ сиротинскихъ товарищей по работѣ, но замѣтилъ, что они его нисколько не занимали. Онъ далъ мнѣ свой адресъ и пригласилъ побывать у него. Меня и въ краску и въ потъ ударило. Я былъ въ восхищеніи отъ Крамскаго.

— Развѣ вы его знаете? — удивились ученики.

— Что онъ вамъ говорилъ? Онъ васъ звалъ къ себѣ?

— Да,— отвѣтилъ я, не видя никого отъ счастья.

— Ну, что ты скажешь о Крамскомъ?!... говорю я восторженно, уже на улицѣ, своему товарищу.— Вотъ человѣкъ! Вотъ учитель! Какіе у него глаза! и какой пріятный задушевный голосъ! Какъ онъ говоритъ!..

— Ну, пошелъ теперь...—отвѣчалъ недовольнымъ тономъ товарищъ.—А по моему, у него злоба въ глазахъ. А какъ онъ передъ начальствомъ-то извивался, замѣтилъ ты? Ну, да гдѣ тебѣ замѣтить. Онъ тебя похвалилъ, вотъ ты и пришелъ въ телячій восторгъ; и теперь будешь трубить — знаю.

Товарищъ мой былъ лѣнивъ, искусства не любилъ и занимался имъ только, чтобы поступить въ академію, по архитектурѣ. Да, его навѣрно не похвалилъ Крамской, думалъ я, вотъ онъ и золъ теперь. А какъ его похвалить? — вѣдь слабъ въ рисованіи.

Черезъ нѣсколько дней вечеромъ я тихонько позвонилъ въ квартиру Крамского (Васильевскій островъ, 6-я линія). Мнѣ сказали, что его нѣтъ дома, но что черезъ часъ онъ, вѣроятно, будетъ. Мнѣ захотѣлось его видѣть и я пошелъ бродить по бульвару 7-й линіи, въ надеждѣ встрѣтить его идущаго домой.

Какъ долго тянется время ожиданія, не знаешь, чѣмъ заняться, въ головѣ пустота и безпокойство.... Наконецъ-то 10 часовъ. Теперь онъ навѣрно дома уже. Звоню опять.

— Еще не вернулся,

Что дѣлать? Неужели идти на квартиру! Нѣтъ; поброжу еще и добьюсь сегодня; а то пришлось бы отложить на нѣсколько дней.

Черезъ полчаса звоню еще, рѣшившись уйти, наконецъ, домой, если его и теперь нѣтъ.

— Дома.

— А, знаю, знаю, вы приходили уже два раза,— прозвучалъ его надтреснувшій, усталый голосъ на мое бормотанье.

— Это доказываетъ, что у васъ есть характеръ, добиться своего.

Я замѣтилъ, что лицо его было устало и блѣдно, утомленные глаза вкружились. Мнѣ стало не ловко и совѣстно, я почувствовалъ, что утруждаю усталого человека. И главное, я не зналъ съ чего начать. Прямого предлога къ посѣщенію, въ столь поздній часъ, у меня не было. Сконфуженный вдругъ здравымъ размышленіемъ, я сталъ просить позволенія придти въ другой разъ.

— Нѣтъ, что-же вы такъ, даромъ хлопотали. Ужъ мы напьемся чаю вмѣстѣ, раздѣвайтесь.

Это было сказано такъ радушно, просто, какъ давно знакомому, равному человѣку. Я вдругъ успокоился, вошелъ въ небольшую комнатку и началъ смотрѣть по стѣнамъ. Голова Христа! Какъ интересно! Такъ представленной я не видалъ ее никогда. Какъ выдѣляется лобъ, какіе впалые утомленные глаза! И сколько въ нихъ кротости и скорби. Но какъ странно волосы расходятся ровными прядями внизъ и не ступованы; широкіе мазки недокончены. Вотъ она академическая манера, подумалъ я про себя. Я только слышалъ про нее... А это зачѣмъ здѣсь?! Какой-то самый иконописный образъ Спасителя.

— А что, какъ находите? Что вы такъ иронически на него смотрите? Это вотъ, видите-ли, я взялъ заказъ.

написать образъ Христа: писалъ, писалъ, даже вотъ вылѣпилъ его. Онъ снялъ на станкѣ мокрая покрывала и я увидѣлъ ту-же удрученную голову Христа, вылѣпленную изъ сѣрой глины. Ахъ, какъ хорошо! Я не видѣлъ еще никогда только что вылѣпленной скульптуры и не воображалъ, чтобы изъ сѣрой глины можно было вылѣпить такъ чудесно.

— Чтобы добиться легче рельефу и свѣто-тѣни,— продолжалъ онъ, я взялся даже за скульптуру...— да работалъ, работалъ и вижу, что оказываюсь несостоятельнымъ; не поспѣю къ сроку. Обратился къ живописцу и онъ очень скоро написалъ вотъ эту икону. Что-жъ, заказчики довольны. А мой Христосъ, пожалуй, и черезъ годъ не будетъ готовъ; какъ-же быть и кто-же станетъ ждать.

За чаемъ онъ оживился совсѣмъ. Начавъ понемногу о Христѣ, по поводу образа, онъ уже не оставлялъ говорить о немъ весь этотъ вечеръ. Сначала я плохо понималъ его, мнѣ очень страннымъ казался тонъ, которымъ онъ началъ говорить о Христѣ; онъ говорилъ о немъ, какъ о близкомъ человѣкѣ. Но потомъ мнѣ вдругъ стала ясно и живо представляться эта глубокая драма на землѣ, эта дѣйствительная жизнь для другихъ. Да, да, конечно, думалъ я, вѣдь это было полное воплощеніе Бога на землѣ. И далѣе я былъ совершенно пораженъ этимъ живымъ воспроизведеніемъ душевной жизни Христа. И казалось въ жизнь свою я ничего интереснѣе этого не слыхалъ. Особенно искушеніе въ пустынѣ. Онъ представилъ борьбу Христа съ темными сторонами человѣческой натуры.

— Искушеніе сидѣло въ немъ самомъ,—говорилъ Крамской, возвышая голосъ:—все, что Ты видишь тамъ.

вдали, всѣ эти великолѣпные города, говорилъ ему голосъ человѣческихъ страстей, все можешь Ты завоевать, покорить и все это будетъ Твое и станетъ трепетать при Твоемъ имени. У Тебя есть всѣ данныя овладѣть всѣмъ и быть здѣсь всемогущимъ владыкой,... произнесъ онъ таинственно. А, Ты, сынъ Божій, Ты вѣришь этому? Испытай. Ты голоденъ теперь; скажи камнямъ этимъ и они превратятся въ хлѣбы; всемогущій Отецъ сдѣлаетъ это для Тебя. Если Онъ послалъ Тебя для великаго подвига на землѣ, то конечно, за Тобой невидимо слѣдятъ ангелы и ты смѣло можешь броситься съ колокольни, они Тебя подхватятъ на рукахъ. Испытай-ка.

Крамской странно взглянулъ на меня.

— Это искушеніе жизни,—продолжалъ онъ,—очень часто повторяется, то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, и съ обыкновенными людьми, на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Почти каждому изъ насъ приходится разрѣшать роковой вопросъ, служить Богу, или мамонѣ. Христосъ до такой степени открекся отъ личныхъ привязанностей и отъ всѣхъ земныхъ благъ, что, вы знаете, когда родная мать пришла однажды искать его, Онъ сказалъ:—у Меня нѣтъ матери, у Меня нѣтъ братьевъ.

Все это было для меня такою новостью, это было сказано съ такимъ чувствомъ и такъ краснорѣчиво, что я едва вѣрилъ ушамъ своимъ. Конечно, все это я читалъ, даже училъ когда-то со скукой, и безъ всякаго интереса слушалъ иногда въ церкви... Но теперь? Неужели же эта та самая книга? Какъ это все ново и глубоко, интересно и поучительно!

Онъ самъ былъ возбужденъ своими идеями, сопо-

ставленіями и все болѣе и болѣе увлекался живой передачей вѣчныхъ истинъ нравственности и добра.

Утомленія его давно не было и помину; голосъ его звучалъ какъ серебро и мысли новыя, яркія, казалось, такъ и вспыхивали въ его мозгу и краснорѣчиво звучали. Я былъ глубоко потрясенъ. И внутренне давалъ уже себѣ обѣщаніе начать совсѣмъ новую жизнь...

Далеко за полночь. Онъ удивился, взглянувъ на часы очень позднему времени.

— А мнѣ завтра надобно рано вставать!—прибавилъ онъ.

Я тоже засуетился и опять вспомнилъ объ его усталости.

Онъ посвѣтилъ мнѣ самъ по черной лѣстницѣ. Съ непривычкой провинціала, въ темнотѣ я едва спустился до двора и былъ въ какомъ-то особенномъ возбужденномъ настроеніи. Я не могъ заснуть въ эту ночь. Цѣлую недѣлю былъ я подъ впечатлѣніемъ этого вечера; онъ меня совсѣмъ перевернулъ.

Успокоившись понемногу, я началъ компановать Искушеніе Христа въ пустынѣ, подъ впечатлѣніемъ его разказа. Я поставилъ Христа на вершинѣ скалы, передъ необозримой далью съ морями и городами. Онъ отвернулся съ трагическимъ выраженіемъ отъ искушающаго вида и зажмурилъ глаза. Одной рукой Онъ судорожно сжималъ свой огромный лобъ, а другой отстранялъ отъ себя неотвязчивую мысль земной славы и власти. Одѣлъ Его въ короткій хитонъ, а босыя ноги были въ царапинахъ.

Съ этого времени я часто сталъ ходить къ Крамскому и боялся только, чтобы ему не надоѣсть. Онъ бывалъ всегда такъ разнообразенъ и интересенъ въ

своихъ разговорахъ, что я часто уходилъ отъ него съ головой, трещающей отъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. По вечерамъ онъ обыкновенно что нибудь рисовалъ чернымъ соусомъ; большею частью это были заказные портреты съ фотографій.

II.

Академія.

Черезъ нѣкоторое время я поступилъ въ академію художествъ, но рисунки свои, послѣ академическихъ экзаменовъ, приносилъ Крамскому; меня очень интересовали его мнѣнія и замѣчанія. Мѣткостью своихъ замѣчаній онъ меня всегда поражалъ. Особенно удивляло меня, какъ это, не сравнивая съ оригиналомъ, онъ указывалъ мнѣ, совершенно вѣрно, малѣйшіе пропуски и недостатки. Именно этотъ полутонъ былъ сильнѣе, это я уже замѣтилъ на экзаменѣ, и глазныя орбиты снизу и нижняя плоскость носа, съ плафона, дѣйствительно были шире. А вотъ вѣдь академическіе профессора-то, наши старички, вѣдь сколько разъ подходили, подолгу смотрѣли, даже карандашемъ что-то проводили по моимъ контурамъ, а этихъ ошибокъ не замѣтили; а вѣдь какъ это важно; совсѣмъ другой строй головы получается. Мало по малу я потерялъ къ нимъ довѣріе и интересовался только замѣчаніями Крамскаго и слушалъ только его.

— Ну, а что вы дѣлаете дома, сами, свободно? — спросилъ онъ меня однажды.

— Я написалъ головку старушки и маленькой дѣвочки, — отвѣчалъ я робко.

— Принесите-ка, покажите, это меня интересует, признаюсь, даже болѣе, чѣмъ ваши академическія работы; потому что въ свободныхъ работахъ болѣе проявляется личность художника и его, собственно, легче судить по его самостоятельнымъ работамъ. Работая вмѣстѣ съ сотнею другихъ учениковъ и съ одной натуры, вы невольно впадаете въ общій шаблонъ. Тутъ трудно даже узнать, что вы за птица и какія вы будете пѣть пѣсни! А вотъ подайте что нибудь ваше—и тутъ вы будете видны со всѣми вашими задатками и особенностями, а это-то и важно, это-то и интересно въ искусствѣ. Да,—продолжалъ онъ, задумавшись,—къ несчастію наша академія не хочетъ признавать этого способа распознаванія своихъ учениковъ и до такой степени, что неудостоила испытаніемъ даже совсѣмъ уже окончившихъ художественное развитіе программистовъ: тринадцать человѣкъ, получившихъ уже золотыя медали, были уволены изъ академіи. Я думаю, вы слышали эту исторію?

Исторія выхода изъ академіи 13 программистовъ изъ-за свободныхъ темъ, надѣлала тогда много шума; о ней говорилось много, на всѣ лады; я слышалъ уже кое-что отрывками и, конечно, радъ былъ случаю узнать все изъ первыхъ устъ объ этомъ событіи, такъ какъ Крамской былъ, можно теперь сказать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой академической драмы.

Теперь, спустя уже 25 лѣтъ, событіе это представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Вначалѣ 1860-хъ годовъ жизнь русская проснулась отъ долгой нравственной и умственной спячки, прозрѣла, и первое, что она хотѣла сдѣлать, умыться, очиститься

отъ негодныхъ отбросовъ, отъ рутинныхъ элементовъ, отжившихъ свое время. Во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ попрощахъ искали новые здоровые пути. Молодость и сила свѣжей русской мысли царила вездѣ, весело, бодро шла впередъ и ломала безъ сожалѣнія все, что находила устарѣлымъ, не нужнымъ. Не могла же эта могучая волна интеллигенціи не захватить и русскаго искусства и не захлеснуть въ академію художествъ. Хотя академія стояла всегда особнякомъ, своей русской жизни не видала и не признавала, а питалась все еще только римскими художественными консервами; но почва въ академіи, однако же, въ это время была уже достаточно подготовлена для этой, освѣжавшей все, волны. Вмѣсто прежняго замкнутого пансіона, куда поступали часто безъ всякаго художественнаго призванія, дѣти ближайшихъ чиновниковъ, мастеровъ и т. п., съ 10 лѣтъ, и воспитывались тамъ по всѣмъ правиламъ псевдо-классическаго искусства, оторванные совершенно отъ реальной русской жизни, — теперь же, съ тѣхъ поръ, какъ въ академіи были уже приходящіе вольнослушатели, въ нее потянулись со всѣхъ концовъ Россіи юноши разныхъ сословій и возрастовъ. Тутъ были и полуобразованные мѣщане и совсѣмъ невѣжественные крестьяне, и люди съ университетскимъ образованіемъ; но всѣ они шли сюда уже по собственному влеченію и несли свои идеи. Они были подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ своимъ мѣстныхъ образовъ, чисто русскихъ. Понятно, имъ сухой и неинтересной казалась высшая академическая премудрость, они плохо понимали ее. Чужды были имъ и вѣчные римскіе идеалы. Они были искренни и, какъ русскіе люди, не могли притворяться млѣющими отъ восторга передъ папскимъ